

АИДА ПАВЛОВА

АИДА ПАВЛОВА

НЕ АЛЁ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
П12

Павлова, Аида.

П12 Не алё / Аида Павлова. — Москва : Эксмо, 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-04-117970-0

Разве можно обсуждать с мамой собственные страхи и провалы, и она не будет винить тебя во всем? Разве бывает такое, что мама не делает замечаний по поводу твоей внешности? Неужели с ней можно шутить и смеяться? Как можно поверить в то, что мама знает твой образ жизни и принимает его? Или даже составляет компанию в твоих увлечениях? Многие скажут, что это естественно, ведь мама самый близкий и родной человек. Но есть люди, которые правда не могут поверить в дружеские отношения с матерями. И что же тогда делать? Попытаться поговорить и хоть как-то наладить контакт или просто закрыться окончательно? Эта история о детских травмах, комплексах, мечтах о счастье, настоящей и фальшивой любви и о родителях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Аида Павлова, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-117970-0

За тридцать пять лет своей жизни я раздумывала о самоубийстве ровно три раза. В тринадцать — когда в детской поликлинике мне нахамила мордастая регистраторша. В двадцать пять — когда было так хорошо, что казалось и жить дальше незачем. И сегодня.

Я толком не сплю почти неделю, мать за тонкой перегородкой нашего пентхауса храпит с мощностью военного вертолета. Каждую ночь я будто бы ложусь спать на взлетно-посадочной полосе, откуда ежеминутно взлетают «МиГи». Предусмотрительно взятые с собой беруши не помогают, мерзкие звуки храпа просачиваются даже сквозь эту защиту и доводят меня до истерики. Удастся отключиться лишь к четырем утра, когда просыпается мать. Я проваливаюсь в черноту сна без видений, а она ждет до семи утра — смотрит старые записи юмориста Гальцева на Ютубе. Как только солнце показывается из-за гор, мать подскакивает с постели и идет меня будить — пора на пляж.

Подо мной лежак из искусственного ротанга, галька нагрелась до верхнего предела моего болевого порога, совсем близко плещутся холодные воды Которского залива. Слева от меня на трех лежаках расположилось веселое сербское семейство. Высокий отец с седыми волосами и правильными чертами лица, по которым еще можно разглядеть в нем бывшего красавчика. Его толстая жена с телом палеолитической Венеры в преступно откровенном купальнике: она тушит о гальку очередной бычок, докуренный до самого фильтра, и тут же другой рукой вытаскивает из пачки следующую дешевую сигаретку и скорее подносит ее ко рту. Между двумя затяжками жена успевает зайтись в тяжелом, надсадном кашле. Я жду, что вот-вот кусок ее прокопченных легких шмякнется на камешки и начнет немедленно поджариваться под полуденным солнцем. Ваша плескавица¹ готова, мадам. Сегодня этого не происходит, но кто знает, что будет завтра?

Между отцом семейства и его женой шныряют их малолетние дети. Детей много, как это принято на Балканах, — минимум трое. Они все время меняются местами с другими детьми на пляже, и угадать, где чей ребенок, мне не представляется возможным. Дети орут, плачут, едят мороженое,

¹ Плэскавица — блюдо в виде круглой плоской котлеты из рубленого мяса, популярное на Балканах.

кидаются камнями, стреляют друг в друга из водяных пистолетов, тонут, теряются, ломают ноги, хотят пить, хотят пончик сомнительного происхождения с лотка местного разносчика выпечки, наступают в сотый раз на мои шлепки, рассматривают меня во все глаза, смеются, скандалят, обижаются, ищут клад — в общем, счастливо проживают свое детство. Они мне не мешают. Я умею переключаться на белый шум, умею сосредотачиваться на чем-то своем. В руках у меня смартфон, в смартфоне книга Нобелевского лауреата по литературе за 2015 год Светланы Алексиевич. Прекрасный выбор для подобного вида отпуска, в который раз убеждаюсь я за эти дни. Иначе бы давно — за буйки, под быстрый катер и до скорой встречи на том берегу Стикса.

Справа от меня со своего лежака пристально наблюдает за всем происходящим на пляже моя шестидесятипятилетняя мать. Она — эталонный образец бодипозитива: никогда не знавшие бритвы подмышки гордо выставлены на всеобщее обозрение, ноги с длинными темными волосами подставлены солнцу, под коленями, как по карте России, растеклась венозная сетка выпуклых рек. Лет двадцать назад я бы стгорала от стыда за нее, пряталась бы под полотенцем и всеми силами делала вид, что знать не знаю, кто эта странная женщина-йети. Сейчас, боже, как хорошо — сейчас мне всё равно.

АИДА ПАВЛОВА

Наверное, людям со стороны, если вдруг по какой-то нелепой причине они решат порефлексировать на наш счет, может показаться всё это милым: престарелая мать на отдыхе со своей великовозрастной дочерью. Ах, посмотрите, какие трогательные отношения! Каждое утро, примерно в семь утра, мать и дочь приходят на пляж, всегда занимают одни и те же лежаки, всегда загорают только до десяти, а после сидят исключительно под зонтиком, чтобы, не дай бог, не обгореть. Мать ходит плавать два раза, каждый раз в воде проводит не менее получаса, долго висит на буйках, задумчиво разглядывает высокие зеленые горы, обступающие залив, а затем поворачивается к берегу и так же долго, внимательно разглядывает отдыхающих. Дочь заходит в воду ровно один раз, когда еще практически нет людей, а утренняя вода прозрачна и холодна, она всегда плавает около берега и никогда там, где любит барахтаться ее мать. Затем дочь ложится на лежак, достает смартфон и полностью уходит в чтение, игнорируя всё и всех вокруг. Ну, разве не милая пара? Около полудня обе женщины, оставив свои полотенца, возвращаются в отель, чтобы потом, спустя много часов, вновь появиться на пляже, когда солнце уже не так обжигает, по гальке возможно ходить босиком, а морская вода прогрелась до почти комфортной температуры. Мать вновь кинется плыть до буйков,

вновь будет рассматривать людей, прислушиваться к их разговорам на непонятном для нее языке, а дочь по-прежнему увлеченно станет всматриваться в экран смартфона. В целом они не слишком интересные люди для длительного наблюдения. День за днем всё у них одинаково, похоже и пресно. Так, я допускаю, подумает кто-то. Если вообще кто-то что-то захочет подумать о нас.

На самом деле всё это — одна большая ошибка: ехать сюда вдвоем, впервые сопровождать мать в ее первую с 1983 года поездку за границу. О чем я думала? Неужели действительно верила, что всё будет весело, интересно, беззаботно, ослепительно? Пленницей каких странных фантазий я стала! Нет-нет, нельзя заплывать за буйки. Я боюсь, что не захочу вернуться.

На второй день отпуска мы поехали в соседний город — Херцег-Нови. От нашей прибрежной деревушки до него пятнадцать минут на автобусе. Остановка в трех минутах ходьбы от отеля, где мы живем, одного из лучших на побережье. Проезд стоит один евро с человека. Всё легко и понятно. Карты скачены на телефон. На картах — подробные метки: вот автовокзал, вот главная улица, вот храм, а вот церковь, вот памятник, а вот главная площадь. Дома я так часто просматривала этот маршрут, что уже в автобусе

у меня случилось легкое дежавю. Кажется, будто всё знакомо, изъезжено, известно.

Я знала, что матери никуда не захочется ехать. Всё, что ей нужно, — это пляж, море, другие люди для визуального изучения и последующего обсуждения и ресторан при отеле. Но мне скучно, я так не могу, меня угнетает собачье существование, когда один день не просто похож на другой, а является мучительным продолжением первого, и тянется, тянется, тянется, как спазм во время менструации, и, кажется, не закончится никогда.

Еще в Москве мы договорились: будем относиться с уважением к желаниям друг друга и постараемся сделать отдых комфортным для нас обеих. А значит, пляжное безделье комбинируем с экскурсиями, улыбаемся, поддерживаем бодрость духа и не онанируем на прошлые обиды, коих накопилось за последние тридцать пять лет столько, что и не снилось Толстому. Надо ли говорить, что всё пошло прахом в первые же сутки?

На мое предложение поехать самостоятельно в соседний городок мать кривит недовольную мину:

— А что там делать?

— Как что? Изучать новое место, посмотреть архитектуру. Между прочим, это крупнейший город тут, на побережье.

— Как называется? — недоверчиво спрашивает она.

— Херцер-Нови.

— Кажется, у меня там были сотрудники. У нас уже все тут отдыхали, а некоторые не по одному разу. Но где они были — я не алё. Может, и в этом Хер-Нова.

— Херцег-Нови, — поправляю я, — судя по фотографиям, городок красивый. Да и что тут делать в обед? Мы в жару на пляж не пойдем, а в номере телевизор смотреть — тоска.

— Тоска зеленая, — соглашается мать. И мы поехали.

Сербский шалун обстреливает меня из водяного пистолета. Мне щекотно, я совсем не злюсь на него. Показываю родителям ребенка, что всё в порядке, но они и не думают обращать на меня внимание, тем более им и в голову не приходит сделать сыну замечание. Он с радостным криком уносится к морю, чтобы пополнить боевой запас своего смертельного оружия. Я невольно улыбаюсь и еще несколько мгновений наблюдаю за мальчиком, прежде чем погрузиться обратно в безысходные интервью героев книги Светланы А. Алексиевич. Как ни странно, от них мне становится гораздо легче на душе.

К автобусной остановке мы специально выходим за пятнадцать минут до автобуса. По невероятной жаре мать идет нарочито медленно,

всем своим видом демонстрируя мне, главному зрителю, как ей не хочется куда-то идти, как лучше бы мы остались в номере и щелкали по российским каналам до самого обеда и полного отупения, а потом, как вчера, спустились бы в ресторан, заказали суп, последили бы за жизнью других через окно, и снова — номер, телевизор, российские новости, какие-то глупые сериалы про пластмассовую жизнь манекенов («ты не любишь меня! Да я люблю тебя! А как же Алексей? Алексей — мой брат от сводной матери! Алиса, прости меня за всё и выходи за меня замуж»), затем пляж, море, пляж, море. В голове, как комар в ночи над ухом, назойливо бьется мысль: «Зачем я во всё это впуталась? Что опять мне хотелось доказать? А главное, кому? Себе? Ей? Господи, смешно-то как». Но было не смешно.

На пыльной остановке мы ждем десять минут. Нас обеих удивляет напряженный дорожный трафик в нашей деревеньке: караваны автомобилей, маршруток и автобусов активно снуют в обе стороны. Машины со всевозможными европейскими номерами: Австрия, Германия, Нидерланды, Франция. Встречаются и украинские, и российские. А что уж говорить про сербские, македонские.

На каждый увиденный на горизонте автобус мать вскакивает и кричит:

— Это наш? Наш? Хер-Нова?

— Я отсюда не вижу. Сейчас подъедет поближе — посмотрим.

Этот — не наш. Вон другой. Тоже — не наш. И этот — тоже. Мать нервничает. Разумеется, я ее понимаю: она впервые в другой стране, пусть и там, где название «Пекарня» означает ровно то же, что и на родной земле, а автобус — это бус, без первого корня, но еще есть же я, я рядом. Я, объездившая полмира, жившая в других городах, странах, знающая английский, в конце концов, подготовившая эту поездку! Почему бы не расслабиться и не довериться мне?

Подходит очередной бус, на нем большая табличка на кириллице «Херцег-Нови». Я даю матери отмашку:

— Вот этот — наш.

Она испуганно трясет головой. Я начинаю злиться:

— Да наш это, наш.

— Почему он такой большой? Почему он такой высокий? Это туристический автобус!

Я не знаю, почему автобус такой большой, возможно, он едет из самой Подгорицы, а может, и откуда подальше — из Сараево, например, или из Белграда. Я подхватываю мать под руку и буквально запихиваю на ступеньки. Двери захлопываются, альтернативы больше нет. Мать поднимается в салон и неловко здорывается с равнодушными пассажирами:

— Здрасти, здрасти. Здрасти всем.

Все, конечно, молчат. Мы садимся рядом друг с другом на свободные места и едем в Херцег-Нови.

Я убеждаю себя: «Всё будет хорошо. Она пожилой человек, она нигде никогда не была, если не считать той давней и единственной поездки в Эстонию в 1983 году. Конечно, ей страшно. Конечно, она не уверена ни в чем, в первую очередь в себе. Но я-то знаю дорогу, знаю, как нам туда доехать и как оттуда выбраться. Всё будет хорошо». Я сжимаю руку матери и говорю:

— Не волнуйся. Мы едем правильно.

— А я и не волнуюсь, — неожиданно резко и зло отвечает мне она, — посадила нас на туристический автобус ты, потом с нас еще деньги возьмут как за экскурсию. И не один евро, а пятьдесят или сто. Выставишь нас на деньги. Вот увидишь, мы так легко отсюда не выйдем.

Стекланным пустым взглядом я смотрю перед собой. На что я надеялась? О чем думала, когда соглашалась на такой отпуск? Где вообще была моя голова?

Путешествия мне всегда казались самым большим счастьем в жизни. Не дети, не безумные богатства, не стахановские достижения на работе, не сплетни в кругу подруг за столиком в кафе, не красивая любовь в обертке из ресто-

ранов, цветов и подарков. Только дорога, самолеты, поезда, автомобили, новые города, другие люди, странные языки, запах вокзалов, тяжесть рюкзака за спиной, — вот что делает меня счастливой, живой, если угодно. Я читала о путешествиях еще ребенком, закрывшись в маленькой комнате, которую делила с бабушкой, помешавшейся на латиноамериканских сериалах. Так вот просто и безумно мы жили: я мечтала увидеть Париж, бабушка мечтала, чтобы Луис Альберто и Марианна поскорее поженились. Вечерами, перед сном, мы делились друг с другом своими переживаниями. Помню размеренный стук вязальных спиц, голоса актеров озвучки сериала из-за шкафа, бабушкины вскрики и охи, иногда даже тихий плач. Это, несомненно, мешало мне читать, мешало переноситься в мир мушкетеров, в мир красного и черного, в мир, где есть лишь отвага и честь, есть Париж, Гасконь и Собор Парижской Богоматери. Тогда-то я и научилась выключать весь остальной мир, полностью уходить в читаемое, закрывать дверь в реальность и растворяться в книге без остатка.

Путешествия — это никогда не было про нашу семью. Мы: мать, отец, я и бабушка, не выезжали никуда дальше деревни в Московской области. Электричка, автобус и километр пешком — вот и все наши приключения. В конце мая меня отвозили, в конце августа забирали. Жили

трудно, плохо, бедно. Погано. Попали в бурные реки Перестройки, понеслись по ее волнам, как все, кое-как хватались за малейшую возможность спастись, барахтались, бились в припадках, стояли в очередях с номерками на ладонях, захлебывались, боялись читать газеты, ели нескончаемую сухую гречку, почти утонули, но сдюжили, выдержали, встали, отряхнулись и высушились. Пригладили волосы, надели чистое и снова пошли в люди. И даже что-то из этого вышло неплохое: никто не спился, никто не ушел в челноки, никто не стал владельцем палатки у метро, не получил удостоверение сотрудника госорганов. Остались целы-невредимы, по крайней мере, на первый взгляд. Но так никуда и не поехали все вместе.

Я же всё бредила заграницей. Читала Драйзера и хотелось в Америку. Читала Вудхауса и тянуло в Лондон. Смотрела «Римские каникулы», «Фанфан-тюльпан» и все кинофильмы с участием Мэрилин Монро. Хотелось, страстно хотелось всюду и везде побывать. Жадно хотелось, до бессонницы. Такие мечты в семье не поощрялись. Приземленнее надо быть, попроще, думать о хлебе и воде, об образовании, чтобы было чем оплачивать жировки, чтобы на столе всегда стояло блюдо с яблоками и бананами, бананы, конечно, безусловный символ богатства и успеха, а в холодильнике должен лежать кусок курицы; стремиться, чтобы трусы были чистые, хлопчато-

бумажные, никакой синтетики, и носки без дырок, чтобы свитер на локтях не протерт, а обувь начищена губкой до блеска, чтобы перед соседями было не стыдно. А заграница — чего там не видели, зачем мы там и кому мы там сдались.

И даже когда уже в кармане, наконец, зашевелились рубли, когда появился под импортным телевизором импортный видеомагнитофон, когда у всей семьи были спортивные костюмы, кожаные куртки и джинсы, а в стенке на полках поблёскивали фужеры из богемского стекла, все равно не путешествовали. Что такое это «путешествие»? Его руками не потрогаешь, на полку не поставишь, для потомков не сохранишь, родне не покажешь, в ломбард в трудные времена не заложишь. Деньги потратишь — а что останется? Куда всё денется? И что там такого хорошего, чего нет у нас? У нас и так всё в порядке. Электричка, автобус, километр пешком — вот и все приключение, вот и весь отпуск.

Я впервые поехала за границу в девятнадцать лет, тут же, как только появилась финансовая независимость, первые деньги, заработанные, отложенные, схороненные ото всех. И сразу туда — в Париж! Автобусом через всю Европу, с отсиженной задницей, затекшей шеей, больной спиной, без сна, на бутербродах с вонючей колбасой, с какими-то крохами в кармане, с семейными проклятиями, напутствиями и пророчествами,

что меня обязательно сдадут в бордель или отберут паспорт и определяют на силикатный завод, в лучшем случае — просто убьют, и никто никогда не узнает, где могилка моя. А, всё равно! Гори оно! Да пусть убивают, пусть режут, да хоть и в бордель, всё лучше, чем каждый день одно и то же: работа, университет, а вечерами просмотр телевизора на продавленном диване. А где же моя жизнь? Куда она уходит? Зачем я живу? Чтобы купить китайские кроссовки, которые в следующем году уже нельзя носить? Или вьетнамские кофты, от которых прыщи по всей спине? Работать чтобы что? Откладывать на смерть, на старость? В молодости уже планировать свои похороны, копить на врачей, лекарства, гроб и место на кладбище. А как ты хотела? Так все живут. Не хочу, как все! Хочу в Париж!

И не было страшно: без французского языка, с корявым школьным английским, без друзей и родни, без знакомых, без денег. Но с отчаянной уверенностью, что всё будет, и будет прекрасно, волшебно, парижно. А так ведь и вышло. Три дня пролетели в сказочной лихорадке. Господи, да теперь и умирать не страшно, да теперь всё точно сбудется, если я видела Эйфелеву башню, если была в Лувре и Музее Орсе, если каталась по Сене на маленьком кораблике, да что со мной случится-то? Страшно было лишь одно: проснуться вдруг дома, в комнате, которую после

смерти бабушки теперь занимала я одна, в своей постели, и понять, что всё это лишь сон, обман и иллюзия, и нет никакого Парижа, и нигде я не была, а есть лишь работа, университет, гэдээровский диван и богемский хрусталь в югославской стенке.

Вернулась тогда я домой совершенно опьяненная, покусанная Парижем, зараженная другими странами, больная путешествиями — и понеслось. В семье, конечно, пытались меня вылечить, запугать, запретить, обмануть. Но всё было напрасно. А в двадцать три я вылетела из дома в свободную жизнь, в открытый космос, и весь мир лежал передо мной и ждал меня.

С тех пор сколько стран, городов, людей. Сперва обязательно в составе группы, с гидом. Держаться всем вместе, ходить длинной цепочкой по узким средневековым улицам и выхватывать тревожным взглядом из толпы яркий зонтик экскурсовода. Какая-то твердолобая уверенность, что одной визу мне не дадут, откажут, что я не смогу, не справлюсь, вбитый с детства страх действовать самостоятельно безраздельно владел душой. Но чем дальше, чем больше стран, тем сильнее в себе уверенность. Почему, собственно, не справлюсь? Почему, позвольте узнать, не дадут? С какой стати откажут? Так подаю документы сама, впервые еду одна. У родителей — истерика. Как без гида? А кто тебя там встретит?

А как ты доедешь до гостиницы? А куда ты пойдешь? Не пусти! В бордель захотела? «Я запрещаю, — кричит мать в трубку, — слышишь? Я запрещаю!» Поздно, мама, поздно. Виза получена, билеты куплены. Еду опять в Париж. На две недели, на тот момент — самые счастливые в моей жизни. Мне двадцать четыре, я живу в маленьком отеле без лифта на четвертом этаже, под самой крышей. На завтрак пью черный кофе, ем круассан с джемом и маслом. Брожу по набережным, натываюсь на дом 36 по Орфевр и замираю от восторга. Это же тот самый дом из любимых мной книг и фильмов! Здесь кабинет комиссара Мегрэ, здесь легендарный Наварро распутывал самые жуткие преступления. А теперь тут я — вот прямо тут стою и могу даже потрогать всё это руками. Эмоции меня переполняют, хочется танцевать и кружиться, как обыкновенно делают прохожие в американских мюзиклах. Да, впечатления не продать, не продемонстрировать друзьям и родне, никто никогда не сможет почувствовать эти моменты в полной мере, не сможет их разделить со мной, если не присутствовал, не был, не видел. Но в этом и есть их ценность — они мои, только мои, и никто не сможет их отобрать. О чем мне вспоминать на закате жизни, лежа на мокрых от старческого пота простынях? О замшевых сапогах, так удачно купленных на распродаже? Нет, я буду вспоминать Париж.

Затем были Венеция, Рим, Прага, экзотичный Вьетнам, умопомрачительный Гонконг, совершенный Лондон. Раз в год, два раза в год — насколько позволяли финансы. «На всех снимках ты в одних джинсах», — едко замечает мать. И пусть. Мне всё равно. Я печатаю какие-то фотокарточки по ее просьбе, чтобы она могла похвалиться на работе — вот, дочь ездила куда-то.

— У Полины Андреевны тоже дочка, как ты, всё ездит куда-то, ездит, никак не наездится, — говорит мать, — а ей уж тридцать лет! Не замужем и детей нет. Так и проездит всю жизнь. А чего туда всё ездить-то? Ну раз съездила, ну два. Так нет! Каждый отпуск всё ездит! Прямо как ты. Что вы за поколение такое?!

А я думаю: «Молодец, дочка Полины Андреевны, я тебя хорошо понимаю».

Как только почувствовала себя уверенной, подтянула язык, разобралась в тематических форумах, поглядела на другую жизнь, тут же захотелось поделиться. Захотелось, чтобы, наконец, родители тоже поняли, почему мне нравится путешествовать. Что такое — путешествовать. Предлагаю аккуратно — давайте на Кипр. На Кипре не страшно, там много русских. Там море, фрукты и нет больших расстояний. Нет, оказывается, там жарко, бедно, плохо. Не нравится Кипр. А может, тогда в Милан? Мама, тебе же нравят-

ся итальянские вещи, картины, пицца, в конце концов, заодно хоть на денек в Венецию. Когда еще? Прокатиться на вапоретто¹, почувствовать соленый ветер в лицо, юркнуть под мост Риальто, увидеть своими глазами всё то, о чем столько раз читала и видела в кино. Нет, оказывается, в Италии опасно, одни жулики и мошенники. Венеция — вонючая помойка, а в Милане отдыхают только российские олигархи. Откуда взять столько денег? Ну, хорошо. Хотя бы Турция? Там даже собаки лают по-русски, и уже побывали все, включая жителей родной деревни. Полежать на пляже, поплавать в бассейне, сменить обстановку. И, возможно, так, одним глазком глянуть на Стамбул? Нет, оказывается, незачем ехать в Турцию — там и так одни наши соотечественники, и даже деревенский алкаш Володька уже оторвался на оле в Алании с женой и их тремя золотушными детьми. А если нет разницы, то — электричка, автобус, километр пешком — вот и все приключения, вот и весь отпуск.

Через пять лет тщетных убеждений и предложений я утомилась и отстала. Пожалуй, всем стало от этого легче.

И вдруг две недели назад посреди рутинного телефонного разговора внезапный вопрос:

¹ Вапоретто — речной трамвай, маршрутный теплоход, главный вид общественного транспорта в островной части Венеции.

— Может, нам поехать в отпуск вместе, только ты и я?

Как? Что? Почему? Что случилось? У тебя рак? Ты умираешь? Скажи мне правду! Сколько тебе осталось жить? Что говорят врачи? Столько безумных предположений, паника, частое дыхание, подскочившее давление, сухость во рту. Беру себя в руки:

— А куда, например?

Думаю про Сочи, Анапу, какое-нибудь Лазаревское или иной забытый богом курорт, где мать отдыхала лет сорок назад.

— В Черногорию!

Как в Черногорию? Почему туда? Почему из всех стран, из всего земного шара — и вдруг в Черногорию? Разгадка проста.

— У нас все сотрудники со склада отдыхали там, а я не алё. Все разговоры за обедом только о Черногории. Черногория — то, Черногория — сё. Вроде там хорошо и виза не нужна. Там же без визы?

— Без визы, — подтверждаю я, — а заграничный паспорт у тебя разве есть?

— А заграничный паспорт у меня есть, — гордо отвечает мать, — я его давно сделала, вдруг пригодится.

И он, как ни странно, пригодился.

За две недели подготовить путешествие — это не вызов, бывало всякое. Но одно дело, ког-

да едешь один или с человеком, который разделяет твои взгляды на поездку, совсем другое, когда этот человек — моя мать. Я давала себе отчет, что будет сложно, но не представляла, что настолько. Зачем же согласилась? Да еще с таким воодушевлением!

— Супер! — кричу я в трубку. — Поедем в отпуск на неделю! В Черногорию!

И радуюсь, как ребенок, получивший на Новый год в точности то, о чем мечтал все 364 дня. Наконец-то мне выпала возможность показать матери то, что делает меня счастливой. Ради чего я отказываю себе в чем-то, ради чего я сижу вечерами на многочисленных форумах. Я постараюсь убедить ее, что путешествия — это не эфемерное нечто, не пустая трата времени, сил и, главное, денег. Я покажу ей, как это увлекательно, интересно, захватывающе. У нас появится еще одна совместная история, только наша, наше приключение.

После быстрой покупки билетов на согласованные с матерью даты еще неделю я ищу нам подходящий отель. Выбираю несколько, отсылаю ей в ватсап. Моя мать — современная пожилая женщина, пусть она многого уже не понимает, за чем-то не в силах угнаться, но у нее есть мессенджер и даже электронная почта. Перезванивает:

— Нет, это всё не алё. Я хочу бассейн, пляж, питание, а еще я храплю, ты помнишь? Мы, наверное, не сможем жить в одной комнате.

— Тогда я забронирую два номера.

— Нет, я бы хотела, чтобы мы жили в одном. Какой смысл в этом отпуске, если мы будем сидеть каждая в своей норе? Номер должен быть один, но двухкомнатный. Вот, вроде всё. Задание получено — выполняй.

Судорожно ищу отели с такими условиями, трачу всё свое свободное время. Но выбор маленький: Черногория еще только встает на проторенный Турцией путь массового туризма. Где-то есть бассейн, но вход в море — платформа («ты смерти моей хочешь? Я не стану прыгать топориком с обрыва»), где-то до моря надо идти («это не отель, а какая-то дыра!»), где-то нет двухкомнатных номеров, да практически нигде нет двухкомнатных номеров! Я в панике, мне хочется, чтобы всё прошло идеально, гладко, волшебным, как в рекламе стиральных порошков и полезных йогуртов с бифидобактериями. Наконец, за три дня до вылета я бронирую нам отель, который отвечает нашим требованиям почти на девяносто процентов. Мы будем жить на самом берегу Которского залива (это тоже важное условие, ведь все сотрудники на работе плескались исключительно в Которском заливе), в двухкомнатном пентхаусе с собственной террасой (вид на бухту, горы и город Тиват) и небольшим, но частным галечным пляжем («галька? М-да, ну ладно, хотя я не люблю галечные пляжи»).

И вот мы здесь. Едем в бусе до Херцег-Нови. На каждой остановке мать хватается за сумку и готовится экстренно покинуть салон:

— Это наша?

— Нет, еще не наша.

— А это наша?

— Нет еще, пока не приехали.

— Откуда ты знаешь? Вдруг мы пропустили остановку!

— Я слежу за нашим перемещением по карте. Вот видишь, у меня есть приложение.

Я показываю матери на смартфоне, где мы находимся и какое расстояние нам еще предстоит проехать. Но на следующей же остановке всё повторяется:

— Нам здесь выходить?

Я вздыхаю и впервые с сочувствием думаю о родителях маленьких детей, как тяжело им, должно быть, всю дорогу выслушивать подобное: «Мы приехали? А сейчас? А когда мы приедем? Мам, а скоро мы приедем? Мы уже выходим? Нет? А когда?». Терпение. Все победит терпение. Терпение всех нас спасет.

Наконец, наша остановка — автобусный вокзал города Херцег-Нови. Мы выкатываемся из буса, я подхожу к усатому пожилому водителю и протягиваю ему два евро. Он берет деньги и кивает. Мать внимательно за нами следит. Я возвращаюсь к ней и со смешком говорю:

— Вот видишь, а ты волновалась, что с нас возьмут сто евро!

— Ничего я не волновалась, — огрызается она, — пожалел он тебя, дуру молодую, и меня, дуру старую, — видит, туристки-иностранки, ничего не соображают, совсем не алё, и не содрал с нас лишние деньги.

Спорить, естественно, нет смысла. Настроение портится, но я еще стараюсь сохранить этот день светлым и приятным. Мы переходим дорогу, почти сразу же попадаем в Старый город и идем по залитым солнцем, увитым зелеными растениями с ярко-розовыми цветами, улицам. Я иду не спеша, смотрю по сторонам, мне нравятся старинные дома, их деревянные голубые ставни, потертые временем и морским ветром. Периодически сверяюсь с приложением, куда нам идти. Вдруг мать ускоряет шаг и проносится вперед мимо меня. Плечи ее согнуты, спина сгорблена, взгляд устремлен вниз. Она активно помогает себе руками, будто бы распахивает локтями невидимую толпу — скорее, быстрее, в сторону, дайте пройти! Я бегу за ней.

— Мам! Ты куда понеслась?

Она делает вид, что не слышит.

— Мам! Ну вот церковь же красивая! Погоди, да куда ты бежишь-то?

Мать, не сбавляя скорости, кидает быстрый взгляд на одну из самых красивых церквей Хер-

цег-Нови и бросает мне презрительно через плечо:

— Католическая!

Как будто я показала ей кусок коровьего дерьма на обочине. Мы несемся дальше. Мать — впереди, а я — за ней.

И тут меня сцапывает из настоящего момента мозолистая натруженная рука Прошлого. Безжалостно стискивает в груди и кидает обратно, на двадцать лет назад, в одно пасмурное августовское утро.

До начала учебного года остается несколько дней. Сейчас суббота, только восемь утра, а мы уже приехали на Петровско-Разумовский рынок, в народе — «Петрашка». Этот рынок даже не муравейник, а настоящее блошиное гнездо. Кое-как сколоченные павильоны, покрытые целлофановыми ошметками. Вместо примерочных — картонки, а роль ширмы выполняют сами продавцы, хитрые, насмешливые, пытающиеся обдурить покупателя на каждом шагу, втюхать китайское барахло по европейским ценам, задурить голову, а если что не так — то и обматерить напоследок. Они присасываются к любому, кто отважится сунуть нос в их дурно пахнущий закуток, и не отвалятся до тех пор, пока не высосут всё: наличные, жизненные силы, веру в людей, надежду на лучшее, — и никакой нет у них

совести, кругом только смех сквозь золотые коронки да коричневые пластиковые стаканчики с мутной жижей в руках.

Я ненавижу утренние подъемы, вещевые рынки, омерзительных вульгарных продавцов: мне пятнадцать лет, у меня больше комплексов, чем пигментных пятен на лице у Моргана Фримана, но также мне хочется новых вещей, выглядеть не хуже одноклассниц, быть красивой и носить модные тряпки. Поэтому мы здесь.

Мать проводит привычный инструктаж перед заходом в торговые ряды, как опытный диггер перед погружением в чрево заброшенных катакомб наставляет глупых и неподготовленных туристов:

— От меня не отставать, идти за мной, если что понравится — сразу говори. Смотреть вещи только по делу, ни на что не отвлекаться. Уложимся за два часа — куплю тебе хот-дог.

Время пошло! Гонка началась. Мать резво кидается в смрад торговых ларьков. Я трушу за ней, еле успевая что-то рассмотреть: вот вроде неплохие джинсы. Может, рискнуть?

— Мам! Мам! — несется в никуда мой жалкий крик. Мать даже не обернется.

Я уже не первый раз тут, не первый раз бегу за ней с языком на плече, я всё знаю и все равно надеюсь, что из нашего марафона выйдет что-то хорошее. Как глупо и наивно.

Вижу куртку. Она мне действительно нравится. Продавщица тут же замечает мой заинтересованный взгляд:

— Детка, проходи. Сейчас померяем, какой у тебя размер? Прходи-прходи, не стесняйся.

— Мам! — кричу я. — Да постой ты!

И вдруг теряю ее из вида — куда она подевалась? Мне не страшно, я-то найду, конечно, выход отсюда, но тогда точно останусь без новых вещей. А это мой единственный шанс прийти в школу не в старых изношенных тряпках, половину из которых когда-то носила дочь маминой подруги в середине восьмидесятых. Пячусь назад из закутка с куртками под недобрый взглядом продавщицы, развожу руками в извиняющемся жесте и бегу, как охотничья собака по лесу, ищу мать. Вот и она. Стоит, как ни в чем не бывало, около очередной палатки и беседует с восточного типа продавцом, попивающим кофейные спитки. Меж золотыми коронками у него сигарета, которую он и не думает притушить.

— Меряйте, меряйте, — посмеивается он, — сегодня примерка — бесплатно!

В руках у матери жуткое бордовое пальто. Сердце екает. Может, она для себя? Но не тут-то было. Мать поворачивается ко мне:

— Вот смотри, отличное на демисезон. Давай-ка, раздевайся. Померяешь.

— Не буду. Оно мне не нравится.

— Что значит, не нравится? — удивляется мать.

— А ты померяй, — вторит ей продавец, — твоей размер как раз.

— Не буду я его мерить! Мне оно не нравится, ни цвет, ни фасон. Это какое-то старомодное пальто. Прощай, молодость! — борюсь я из последних сил.

Мать переглядывается с продавцом и качает головой:

— Вот с кем приходится иметь дело!

— Да уж! — поддакивает он и обращается ко мне: — Деточка, сейчас эти пальто — писк сезона! У нас их все берут. Вам вообще повезло, что у меня они еще есть. Сегодня вечером их уже не будет! Не хотите — не меряйте, нечего мое время тратить.

Мать подходит ко мне вплотную, сует в руки ненавистное пальто и зло шепчет:

— Не позорь меня перед людьми. Я сказала, ну-ка, быстро меряй.

На глазах у меня уже блестят слезы. Я понуро захожу в закуток, снимаю с себя джинсовку и влезаю в бордовое пальто. Такие носили советские бабушки в начале семидесятых. Такие до сих пор носят бедные старушки, а теперь его буду носить и я.

Мать придирчиво смотрит на меня, больно тычет мне пальцем в плечо:

— Ну вот, размер твой!

— Ее, конечно, — кивает продавец.

Пальто мне, разумеется, велико: рукава слишком длинные, плечи немного висят.

— А может, размер поменьше? — робко спрашиваю я в надежде, что его не окажется в ассортименте.

Мать и продавец поднимают гул:

— Зачем поменьше? Куда поменьше? Твой размер! Подденешь свитер! Выдумала! За год еще вырастешь — и будет в самый раз!

Я злобно скидываю с себя жуткое, колючее, неудобное пальто не своего размера:

— Оно мне не нравится! Я не буду его носить!

— Как это не будешь? Я тебе дам, не будешь! Я на него деньги потрачу — значит, будешь носить. Смотри, какое хорошее пальто — да в нем всю осень можно проходить, а потом весну. Да оно тебе на три года вперед пойдет. Или ты думаешь, что я тебе каждый год обновки покупать буду? У меня что, по-твоему, денег куры не клюют? Я, по-твоему, жена олигарха, что ли? Ты обернись, посмотри по сторонам, где мы находимся! Посмотри, посмотри! Это что, по-твоему, бутик? Мы что, в «Охотном ряду»?

— Нет, — дрожащим от слез голосом отвечаю я.

Мы не в «Охотном ряду». Это уж точно. «Охотка» открылась два года назад — вожде-

ное место для покупок. Я езжу туда с подругами из школы как в роскошный музей, где мы можем себе позволить только облизывать витрины магазинов и хотеть, хотеть, хотеть. Когда-нибудь мы станем так богаты, что сможем позволить купить себе в «Accessorize» все эти кричащие безвкусовые сумки из полиэстера и дерматина, пластиковые заколки китайского производства, шарфики из синтетики и даже туфли из кожзама. О, какими же счастливыми мы будем с многочисленными пакетами в руках! Радостно смеясь, мы продефилируем мимо охранников в ближайший Мақдак и обмоем наши покупки шоколадными молочными коктейлями, закусив их двойными чизбургерами!

— Ну, так что? — возвращает меня в реальность суровый голос матери. — Покупаем или будешь ходить в старой куртке?

— Покупаем, — чуть не плача соглашаюсь я.

Мать поворачивается к продавцу, начинается ее любимая часть программы:

— Так, ну а скидку-то сделаешь?

— Какую скидку? И так продаю дешево! Себе в убыток!

— Ну-ну, конечно. Ты кого обмануть хочешь? Себе в убыток никто не торгует, стал бы ты тут стоять. Навар-то хороший имеешь! Уступи, мы первые твои покупатели. А то удачи тебе сегодня не будет!

— Эй, женщина! Зачем такое говоришь? Зачем слова такие говоришь? — вскипает продавец и выплевывает сигарету на асфальт.

— Правду тебе говорю. Давай скидку, не жадничай.

— Ты жадная! Нельзя такой быть! Ребенка своего расстроила! Ничего тебе не продам!

Внутри меня еще теплится надежда. Не продавай, пожалуйста, прогони нас, не продавай ей ничего!

— Ничего не продашь нам и за день ничего не продашь. Мы отсюда не уйдем. Будем тут стоять и всем говорить, чтобы у тебя ничего не купали.

— Зачем такая злая женщина ты? Да сделаю я тебе скидку, сделаю!

Далее идет маленький спор по поводу конкретной суммы, но уже беззлобный, смешливый, спокойный. Наконец, мать и продавец расстаются, довольные друг другом. Он обмахивает полученными от матери деньгами остальные пальто, мать, искренне улыбаясь, желает ему на прощанье:

— Удачи и хорошей торговли!

— Спасибо, спасибо!

Мы отходим чуть поодаль, мать сует мне сверток с пальто в руки:

— На, неси сама свое пальто. Вроде не сильно нас обдурил этот чурка. Конечно, денег таких оно не стоит, но все-таки что-то отбили.